

Стратегия экономического развития

УДК 330.342

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И УСЛОВИЙ

О. С. СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник

E-mail: o_sukharev@list.ru

Институт экономики Российской академии наук

В статье рассматривается факторная основа современного экономического роста, проводится качественный анализ факторов применительно к российской экономике, определяется роль финансовой системы в провокации экономических кризисов. Организация финансовой системы и ее эволюции становятся самостоятельным фактором, влияющим на качественные и количественные показатели экономического роста.

Ключевые слова: *экономический рост, воспроизводство, финансы, система, стратегия, развитие, политика.*

Экономический рост: факторные условия и особенности

Современная ситуация в мировой экономике, с одной стороны, подтверждает ход процессов развития согласно парадигме роста, с другой стороны, проявляет некоторые качественные характеристики, которые выступают ограничителями не только самого экономического роста как хозяйственного явления, но и его идеологической основы – парадигмы роста. К ним можно отнести крах международного права и мирового порядка¹, обострение

¹ Прежний мировой экономический порядок строился при отсутствии одной доминирующей силы, сейчас такая сила в

экологических проблем и усиление бедности в силу возрастающих диспропорций развития, отсутствие императивов мирового развития (неадекватность стратегий догоняющего и опережающего развития).

Если для западных экономических систем структура национального богатства представима в виде сочетания природно-ресурсного, физического и человеческого капитала² в соотношении примерно 20, 16 и 64 % [12] соответственно, то применительно к российской экономике соотношение указанных элементов национального богатства прямо противоположное: преобладает природно-ресурсный (60 %) капитал. В связи с этим проблема осуществления долгосрочного структурного маневра должна фор-

лице западных наиболее развитых государств существует (G-8, G-20). Фактически наличие такой силы приводит к свертыванию принципа суверенитета и независимости, внутренних дел государств. Если нарушаются выгодные этой силе представления о демократии, то осуществляется прямое и часто военное вмешательство во внутренние дела различных стран.

² В категорию богатства человеческого капитала обычно включают накопленные знания, навыки – образовательный и квалификационный потенциалы, физическую и психологическую готовность к труду, нравственную атмосферу в обществе – социо-культурный потенциал, фонд здоровья, воспитание детей, инвестиции в человека.

мулироваться исходя из необходимости управляемого изменения базисных макроэкономических пропорций. Экономический рост сам по себе эту проблему решить не может, поскольку представляет собой результат положительной динамики сложившейся институциональной структуры. Можно привести следующие полезные аналогии: за последние четверть века в мировой экономике возросли влияние и масштаб организованной преступности, из биологии известен рост новообразований в организме человека, приводящий к смерти. Рост экономики может происходить и за счет повышения ее аварийности – сокращения надежности функционирования различных подсистем, увеличения неравенства или ухудшения социальных условий. Тем не менее до сих пор темп роста национального продукта с оценкой уровня безработицы выступает критерием эффективности государственной политики и мерой социальных достижений, в то время как еще со времени критики Д. К. Гэлбрейтом культа валового внутреннего продукта [3] в качестве таких критериев должны выступать так называемые неэкономические цели, составляющие собственно социальную жизнь граждан любой страны.

Важным уточнением по поводу оценки результатов экономического роста и институционального развития является оригинальное замечание А. Сена [6]. Бедные страны, для которых среднедушевой доход ниже по сравнению с относительно более богатыми странами, тем не менее, за счет более равномерного распределения дохода демонстрируют более высокий уровень социального благосостояния. Большая равномерность в распределении дохода может достигаться, в частности, за счет соответствующим образом развитой системы социального обеспечения и страхования. В итоге в более бедной стране выше продолжительность жизни, уровень грамотности населения при низком среднедушевом доходе. Безусловно, важнейшим условием, воспроизводящим подобные закономерности, являются институциональная структура экономики и проводимая в стране экономическая политика роста.

В течение XX в. экономический рост как явление характеризовался следующими имманентными признаками:

- высоким темпом прироста производства на душу населения, производительности, структурных изменений экономики, изменений структуры общества и идеологии;
- качественными особенностями – экспансионистской направленностью за счет междуна-

родного трансферта технологий и ограниченностью, когда в результате такого роста три четверти населения земли все-таки не достигли минимального уровня жизни, обеспечиваемого современной технологией.

Важнейшей закономерностью экономического роста в XX в. являлся так называемый эффект Кузнецца, описываемый одноименной кривой [14]. Согласно этому эффекту доход и богатство в начальной точке анализируемого экономического роста распределены таким образом, что экономическое развитие сопровождается сначала увеличением неравенства. Затем с течением времени наблюдается некоторое снижение неравенства и стабилизация его на определенном уровне. Существовало множество свидетельств справедливости этого эффекта для различных экономических систем [2]. Однако страны Юго-Восточной Азии составляли явное исключение, поскольку значительные темпы экономического роста сочетались у них со снижением уровня социального расслоения. Кстати сказать, исключение составляет и Россия в период 1991–2004 гг., когда на протяжении первых девяти лет наблюдался абсолютный спад ВВП при резком увеличении неравенства, а последовавший экономический рост 2000–2004 гг. происходил при некотором уменьшении величины неравенства.

Логика, объясняющая эффект Кузнецца, довольно проста: существующие институты накопления и распределения богатства таковы, что стимулируют концентрацию капитала в руках наиболее обеспеченных граждан, при этом они, размещая свои капиталы в экономике, фактически инвестируют необходимые темпы экономического роста. Объяснить же наличие исключений из эффекта Кузнецца возможно тем, что не рост экономики как таковой и не институты распределения капитала определяют возрастание неравенства, а долговременный характер экономического роста вследствие соответствующих изменений технологического и демографического характера. Например, Я. Тинберген считал, что главной причиной неравенства и его увеличения при экономическом росте является разница в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных работников [15]. Кроме того, существенную роль играет правительственная политика перераспределения доходов и социальных гарантий. Таким образом, за возникновение кривой Кузнецца отвечает множество институтов, и от их состояния зависит результирующий эффект. Иными словами, может происходить рост и в условиях сокращающегося неравенства, или увеличиваться

неравенство благодаря спаду производства в долгой экономике, где господствует перераспределение уже созданных активов, а не деятельность по созданию новых активов и наращиванию капитала в интересах широких слоев населения.

В настоящее время, в начале XXI в., можно указать несколько иных качественных тенденций экономического роста, которые лишь наместились в последние два десятилетия прошлого века и продолжают усиливать свое влияние. Именно они сейчас формируют направление вектора развития мировой и российской экономики.

Во-первых, быстрое развитие электронной культуры обеспечивает высокие темпы экономического роста³, стирает национально-культурные различия, изменяет индивидуальную и коллективную мотивацию агентов с возникновением программируемой толпы, рассеянной по информационному пространству. Например, в США информационная экономика к середине 1990-х гг. позволила увеличить темп роста производительности с 1,5 до 3% в год, ВВП – с 2,5 до 4%.

Во-вторых, увеличение информационного сектора экономики ликвидирует имевшую место в прошлом разницу в интеллектуальном развитии индивидов. Несоответствие разницы в интеллектуальных способностях индивидов (не более чем в 1,5–2 раза) и доходах (10–15 раз) определяет социальные противоречия современного экономического развития.

В-третьих, скоростные изменения, охватившие мир, вызывают у индивидов болезненные ощущения невозможности на них повлиять, что в значительной степени сказывается на восприятии и адаптации к новым институтам. В результате индивидуальное поведение рационализируется, морально-этическая компонента ослабляет свое влияние, подражание культурным нормам, обеспечивающим более высокий жизненный стандарт (качество жизни), усиливается. При таком поведении индивиды, стремясь максимизировать собственное удовлетворение, на самом деле попадают в ситуацию дилеммы заключенного, причем

³ Хотя наблюдаемый в настоящее время в западных странах темп экономического роста в среднем ниже, чем рост 1950–1960 гг., однако тот рост являлся по своему характеру послевоенным, восстановительным. Видимо, по аналогии можно утверждать, что и российская экономика в 2000–2008 гг. показала значительный темп экономического роста, вызванный благоприятными условиями внешней конъюнктуры, постдевальвационным эффектом и в целом задачами восстановительного характера, а также динамикой цены на углеводороды на мировом рынке.

невозможность точно оценить собственные потери не позволяет им правильно идентифицировать сложившееся положение. Таким образом, вероятность разрушительных последствий подобного индивидуального поведения для экономики увеличивается, что повышает потребность в ограничивающих социальных нормах, культуре, образовании, регулировании общественного порядка, системе социальной защиты.

В-четвертых, скорость экономического роста и величина показателей, характеризующих уровень благосостояния, не отражают качества институционального развития и не дают возможности ответить на вопрос, почему экономические системы развиваются по различным траекториям.

Интересные результаты получены С. К. Даттом и Д. Б. Ньюджентом на статистическом материале 52 стран мира за период 1960–1980 гг., которые говорят о том, что с повышением доли юристов в составе рабочей силы на 1% экономический рост замедляется на величину от 4,76 до 3,68% [11].

Следовательно, юридическая регламентация деятельности агентов, а именно она напрямую затрагивает институциональные модификации, может ухудшить экономические перспективы страны и качество развития. Подобная проблема актуальна в настоящее время для США, где в медицинских учреждениях, например, прямой контакт пациента и врача затруднен в силу того, что наличествует обязательное промежуточное звено – адвокат [1]. Поэтому институты, как старые, так и вновь вводимые, могут улучшать или ухудшать социальное благосостояние. Подобная неустойчивость и непредсказуемость особенно характерны в условиях процесса трансплантации институтов из одной социальной среды в другую.

Феномен экономического роста состоит в неуклонном увеличении национального дохода в абсолютном выражении и на душу населения, увеличении разнообразия продуктов и потребностей, которые выступают своеобразной подпиткой для ростовой вековой тенденции. Экономический рост как долгосрочная тенденция до сих пор сопровождается улучшением качества жизни и ее продолжительности, совершенствованием социальных функций и повышением уровня образования.

Факторы, обеспечивающие этот феномен – капитал, труд, технологии, информация (знания), изменение в количестве и качестве населения (результат роста), изменение базовых и вспомогательных институтов (инфраструктуры правил), а также ориентированных на рост моделей поведения

и реакций агентов, включая модели управления различными хозяйственными системами и макроэкономическое управление.

Вместе с тем необходимо отметить, что значительная часть населения земли оторвана от тех даров, которые приносит феномен экономического роста и которые доступны для развитых стран. Разница по уровню дохода между десятью наиболее богатыми и бедными странами мира постоянно увеличивается, бедность расширяется, пропасть по уровню развития технологий также увеличивается. Однако самая важная по своему отрицательному значению тенденция состоит в том, что наравне с ростом современная мировая экономика демонстрирует и опасный спад, деградацию и сокращение, в частности, экологических систем, биологического разнообразия, ресурсов земли. Причем совершенствование технологий пока не позволяет справиться с этой тенденцией, которая сопровождает феномен экономического роста.

Глобальная экономика развивается диспропорционально за счет истощения ресурсов и нанесения высокого ущерба экосистемам, что также можно рассматривать как вклад в истощение, потому что ущерб обладает имманентным свойством невозможности полной компенсации. Критерием глобальной эффективности может стать следующее правило: каждое из живущих поколений должно обеспечивать положительное приращение природного потенциала, и при формировании жизненного стандарта потребления нужно исходить из тех потребностей, которые могут удовлетворяться только за счет имеющихся ресурсов и агентов с учетом допущения первой части критерия. Иными словами, потребность не может удовлетворяться за счет будущих поколений, природы, в ущерб другим агентам. Интеллектуальный потенциал, так называемая экономика знаний, не является своеобразной компенсацией ликвидации экосистем и истощения природных ресурсов, ухудшения их качества, поскольку все виды творческой деятельности человека вытекают и связаны с материально-вещественным производством, которое составляет основу для применения и наращивания знаний.

Выполнение подобного глобального критерия эффективности развития возможно, если ликвидированы самые неэффективные формы функционирования человеческого общества, например, войны, локальные и гражданские конфликты, являющиеся признаком расточительного, самого неэффективного использования (уничтожения) ресурсов.

Экономическому росту могут быть подвержены и слабые системы, отстающие в своем развитии (подобно тому, как рост может демонстрировать больное растение). Кроме того, новые комбинации могут также демонстрировать рост, что совсем не означает их продуктивного воздействия на всю систему (подобно опухоли в организме человека). Вместе с тем экономика отличается от человеческого организма с системных позиций тем, что реорганизация работы органов, изменение их функционального содержания не представляется возможным, а в экономике работа тех или иных структур может быть существенно пересмотрена, либо исключена. При реорганизации экономики, управляемых структурных модификациях вряд ли возможно сохранить прежний высокий темп экономического роста, поскольку изменение функциональности системы требует отвлечения ресурсов с вытекающим снижением дохода.

Определение соотношения скоростей структурных модификаций и скорости экономического роста, который должен быть сохранен при осуществлении подобных коррекций, ставит, по сути, задачу нахождения социально-экономического оптимума. Вместе с тем любая модификация системы, вызывая обновление функционального взаимодействия ее элементов, приводит к той или иной степени дезорганизации этой системы, увеличивает издержки, может ощутимо понизить эффективность и действует по этой причине в сторону замедления темпа роста. Следовательно, осуществлять структурные управляемые коррекции экономической системы и ставить задачу сохранения или обеспечения довольно высокого темпа ее роста означает стремиться достичь противоречивых целей.

За рост и реорганизацию системы ответственны правила хозяйственного поведения, сильным ограничительным условием выступают исходные факторы роста – ресурсы, капитал, труд, технологии, доступность финансов, которые обслуживают указанные факторы. В связи с этим проблематика поиска социально-экономического оптимума, раскрытая в системе оптимального функционирования экономики, может сводиться не столько к поиску объема необходимых ресурсов, параметров возможного и требуемого потребления, затрат, сколько к отысканию тех правил, которые наиболее продуктивно будут воздействовать на мотивы поведения агентов и стимулировать развитие экономики.

Проблема социально-экономического оптимума очень сложна, может быть, пока неразрешима даже на теоретическом уровне. Не случайно

Я. Тинберген утверждал, что, например, определить оптимальный темп экономического роста не представляется возможным для данной экономической системы [15]. Одновременно в последнее десятилетие наблюдается управление темпом роста в Китае, когда темп в 12 % признается большим и проводятся специальные макроэкономические мероприятия по сдерживанию темпа роста до 8–9 %.

Если рассмотреть проблему неравного распределения дохода, то здесь не совсем ясно, какой уровень неравенства, допустим, стимулирует рост, а какой будет его тормозить. Более того, на вековой тенденции имеющаяся зависимость С. Кузнецца между неравенством и экономическим ростом для развитых стран совершенно не обнаруживается в развивающихся, не подтверждается на средних и коротких интервалах. К тому же самый главный вопрос, является ли величина неравенства сопровождающим рост явлением, либо же она выступает фактором роста, определенным образом настраивая экономических агентов, остается без ответа, поскольку и рост, и неравенство зависят от функционирования различных элементов экономической системы, ее структуры и институтов. Множественное сочетание факторов определяет подобный результат, который вовсе не означает, что увеличение неравенства выступало основой экономического роста индустриализирующихся стран. В период спада может наблюдаться также увеличение неравенства, но сказать, что именно оно является атрибутом спада довольно сложно и необоснованно. В период роста, следующий за спадом, может, наоборот, наблюдаться небольшое снижение неравенства в распределении дохода. Подобные соотношения являются примером отклонения от устоявшихся соответствий.

Таким образом, даже выявленные на длительном интервале соответствия между параметрами системы вовсе не означают их наличия на иных интервалах времени и по другим системам, не говоря уже о том, что причинно-следственная связь здесь трудно просматривается.

Истинными неизвестными задачи поиска социально-экономического оптимума выступают не объемы потребления или производственные затраты, а множество институтов, которые могут приблизить реальную ситуацию к экономическому оптимуму. Набор этих институтов неизвестен заранее, его необходимо подобрать, а институты создать, т. е. спроектировать и ввести в действие [16]. Нужно отметить, что данное высказывание не стоит понимать так, будто институты раз и навсегда проектируются,

вводятся в действие. Наоборот, это ввод происходит непрерывно, принимая в том числе и вид перманентной модификации институтов, старых при введении новых, и новых в ходе взаимодействия со старыми. Поэтому институты не только могут изменять расстояние относительного некоего социально-экономического оптимума, но и определять динамику роста, характеристики экономического развития. Вместе с тем некоторые виды воздействий могут не просто увеличить расстояние до названного оптимума, величину которого трудно определить даже теоретически, но свернуть тенденцию роста, обеспечив спад экономики. К таким воздействиям можно отнести, например, неуправляемые институциональные изменения, либо иллюзию управления ими, результат соперничества между различными институтами, институтами и агентами, высокую скорость институциональных изменений, введения новых институтов, а также экономическую политику, резко снижающую качество институциональной системы за счет воздействия на мотивы поведения экономических агентов.

Истинный динамизм экономического развития, обретающего выражение роста привносится фактором научно-технического прогресса, не только обеспечивающего совершенствование средств производства, но и создающего новый тип воспроизводства, инфраструктуру услуг, повышающий производительность машин и труда.

Если оценивать состояние факторов экономического роста для России, то его можно свести к следующим качественным позициям. Основной капитал в значительной степени физически изношен и морально устарел. Часть фондовой базы промышленности является утраченной в ходе приватизации. Объем финансовых ресурсов, требующихся на восстановление настолько значителен, что эти ресурсы не могут быть сконцентрированы в обозримом будущем для решения задачи массивного замещения основного капитала по секторам хозяйственной системы. Все более усиливается конфликт между уровнем знаний и состоянием техники, приборов, когда занятые специалисты не могут обслуживать новейшую технику. Но не могут они обслуживать и старую технику, поскольку ее эксплуатация вследствие роста аварийности становится просто опасной.

Историческим парадоксом можно назвать тот факт, что в разные периоды своего развития российская экономика постоянно испытывала недостаток в капитале. Этот феномен — тема для глубокого исследования в области экономической

истории и теории институтов. Но общее направление ответа на данную проблему сводится к тому, что в начале XX в. процесс бурной индустриализации и развития капитализма в России при наличии большой по масштабу и низкоэффективной сельскохозяйственной экономики происходил в основном за счет иностранного капитала. В советское время процесс индустриализации происходил как раз за счет разрушения сложившегося сельскохозяйственного уклада и трансформации аграрного сектора экономики, что позволяло решить задачу обеспечения страны продовольствием и одновременно осуществить перелив трудовых ресурсов в промышленность. Во втором случае индустриализация могла осуществляться только за счет жесткого внутреннего перераспределения ресурсов, которое проводилось в административном порядке. Основные фонды промышленности быстро росли (особенно в период нэпа), но соответственно сокращались в аграрном комплексе, а также уровень потребления и дохода повышался значительно более низкими темпами.

Сходные процессы наблюдались в период 1950–1960-х гг., когда полным ходом шло восстановление из руин разрушенной войной экономики. Таким образом, экономический рост происходил в основном за счет внутренних ресурсов (полная занятость и высокая трудоемкость производства). Именно в это двадцатилетие были построены и развиты капиталоемкие производства, создан технологический контур производства средств производства, воспроизводящий сам себя и поэтому разбухающий как на дрожжах, что не могло не сказаться в 1970-е гг. и в первой половине 1980-х гг. в виде снижения эффективности экономики и замедления темпов экономического роста, который в 1989–1991 гг. был практически свернут.

Весь период 1990-х гг. характеризуется острой нехваткой капиталов. Однако и привлечение иностранных инвестиций не может решить задачу обеспечения экономики капиталом. Требуются высокие процентные ставки, которые возникают совместно с гиперинфляцией, сменившейся инфляцией просто высокой, и используются для ее подавления. А это в свою очередь ухудшает возможности отечественного инвестирования промышленности и отнюдь не привлекает западный капитал. Объемы используемого иностранного капитала и выгоды, которые он может принести должны соизмеряться с потерями собственного капитала (снижением его конкурентоспособности на отечественном рынке капиталов).

Еще М. И. Туган-Барановский в начале XX в. писал о нехватке свободного национального капитала для индустриализации России [10]. По его представлениям свободный капитал формируется в фазе депрессии промышленного цикла с тем, чтобы потом быть вложенным в производство, обеспечивая подъем экономики, затем исчерпывается при сохраняющейся потребности в нем, приводя экономику к кризису. В условиях трансформации, когда конъюнктурный кризис (циклический) усиливается транзитивным спадом, происходит институционализация деградации основного отечественного капитала и блокирования возможностей по привлечению иностранного капитала, который для крупной экономической системы никогда не сможет покрыть ее потребности.

Конечно, трудно было в тот период предположить, что данная проблема станет в России историческим императивом, что страна в конце XX в. и первом десятилетии XXI в. будет пытаться провести реструктуризацию, реиндустриализацию своей промышленности, опять находясь в ситуации нехватки свободного капитала. При высоко изношенном капитале промышленной системы, при ограниченных возможностях по привлечению иностранных капиталов и известных ограничениях в границах кредитно-финансовой системы, в том числе возникших и в силу мирового финансового кризиса. Капиталы российских банков в своем большинстве не имеют реального подкрепления основными фондами отечественной промышленности, т. е. в банковско-промышленных структурах крайне затруднены процессы капитализации свободных денежных средств. Естественно, что при таком состоянии никакой частный иностранный инвестор не будет размещать собственные средства в мыльный пузырь, который в любой момент в результате небольшого толчка просто лопнет.

Ипотечный, фондовый и технологический мыльные пузыри, порожденные институтами западного капитализма и обрушившие экономические системы в 2008–2010 гг., становятся стоп-сигналами для подобных стратегий. К тому же если пузыри заманчиво возникают в собственной системе, к чему переносить капитал в иную институциональную среду? Но в этом все же нет объяснения причин того, почему размеры располагаемого свободного капитала значительно меньше существующей потребности в нем. И это происходит при разных институциональных структурах и состояниях российского общества. Либо подавляющая часть имеющегося в экономике капитала является

связанной и реализованной в виде неликвидных активов, либо пробуксовывают механизмы, генерирующие создание свободных капиталов, т. е. таких, которые ожидают своего вложения в производство и нуждаются в способствующих этому условиях. В ситуации кризиса, проблем с оборотным капиталом формирование потребностей в капитале может происходить в следующем порядке:

- оборотный капитал, обеспечивающий поддержание текущих объемов производства;
- инвестирование в товарно-материальные запасы;
- возникновение потребности в инвестициях в новый продукт;
- инвестиции в основной капитал.

Иными словами, стремительного роста инвестиций в основной капитал трудно ожидать, если он не подготовлен рядом вспомогательных изменений в потребностях в различных формах капитала, существующего в экономике. Но каковы объемы этого свободного капитала в денежном выражении в момент времени t_0 , каким образом его можно распределить между субъектами экономической системы, чтобы получить наилучшую отдачу, и где должен быть сосредоточен этот капитал перед потенциальным использованием? Факт образования свободного капитала говорит лишь о том, что в экономике имеются такие денежные средства, которые могут быть ссужены производственному сектору, но эти появившиеся денежные средства не являются результатом прироста реального капитала. Характерно, что этих денежных средств в силу разных причин и обстоятельств на рассматриваемый момент времени может просто не быть. Например, весь свободный капитал будет связан в фиктивном секторе экономики. Тогда какие источники инвестирования промышленности, схемы финансирования должны использоваться, каким образом могут происходить аккумуляция таких свободных капиталов и направление их в нужные направления развития?

Разработка государственных программ развития экономики, реализация главного национального проекта возрождения отечественной промышленности и производства, называемого в последнее время реиндустриализацией, должны ответить на поставленный вопрос. Причем одна из задач – сконцентрировать имеющийся отечественный капитал в точках, мультиплицирующих эффективность промышленного производства. Представляется, что этого можно добиться на первых порах путем вложений в организацию серий-

ного производства некапиталоемкой продукции качества, сопоставимого с импортными изделиями (поставки которых, возможно, потребуются ограничить). Подобный сценарий вполне вероятно осуществить в отраслях пищевой промышленности и переработки продукции агропромышленного комплекса, производства средств производства для этих отраслей (оборудование, комплектующие, транспортные средства), производства оборудования для нефтегазового комплекса (системы экологической очистки, энергоресурсосберегающее оборудование и т. д.). Идея состоит в том, чтобы, используя накопленные элементы национального богатства, запустить своеобразный промышленный рычаг с участием российских банков, обеспечив тем самым планомерное функционирование механизма капиталобразования с переходом от отрицательного чистого инвестирования (потери национального капитала) к положительному (наращиванию основного капитала в экономике).

Состояние фактора труда, его оценка – заработная плата, отношения занятости определяются текущим состоянием промышленности, подготовки кадров с высшим образованием и научных кадров. Состояние науки и НИОКР в России в значительной мере затрудняет эффективное использование имеющегося трудового потенциала, воздействует в сторону свертывания спроса на применение интеллекта, дестимулирует творческую деятельность и не позволяет этот потенциал наращивать и использовать.

Несмотря на ростовую динамику 2000–2008 гг. и в период кризиса 2009–2010 гг., наблюдались следующие основные тенденции в области труда и заработной платы:

- дефляция по фактору труда в период кризиса 2009–2010 гг. при инфляции по другим факторам производства;
- увеличение эксплуатации труда, включая рост налогового бремени государства на труд;
- упрощение труда, т. е. снижение доли сложного и увеличение доли простого труда;
- исчезновение целых видов труда и профессиональной деятельности, в том числе на уровне обучения профессиям, не в силу ликвидации потребности в этих профессиях в результате научно-технического прогресса, а в силу ликвидации обучающей базы и сокращения соответствующих видов деятельности и производств в экономике;
- рост безработицы, включая скрытую, де-квалификация труда, вызванная снижением

образовательного уровня, упрощением задач труда, снижением дисциплины и нормативов в организации труда;

- высокая дифференциация в области оплаты за один и тот же труд в зависимости от региона проживания и места работы персонала;
- сокращение безопасности и контроля за санитарными нормами и условиями труда.

Относительно технологий уровень отставания России связан как раз с теми тенденциями, которые наблюдаются по фактору труда и капитала. Иными словами, имеется значительное технологическое отставание по обеспеченности технологиями – базовыми и широкого применения. Однако проблема состоит не в том, что в России отсутствуют эти технологии. Как раз верно обратное: в виде патентов, авторских свидетельств, полезных моделей имеются технологии, не уступающие иностранным аналогам, но отсутствует основа для их развертывания и применения в широком диапазоне внутреннего рынка и на экспорт. По существу, отечественные производители слабо контролируют свой собственный внутренний рынок по многим видам продуктовой номенклатуры, включая товары для широкого потребления и продукцию промышленного назначения. Это и препятствует совершенствованию и главное – внедрению отечественных разработок и технологий. Поэтому они находятся на бумаге без должного применения в производстве.

Таким образом, неверно говорить, что мы отстаем по научно-техническому заделу. Отставание как раз вызвано отсутствием условий и возможностей развертывания и обновления технологического базиса экономики. Безусловно, вследствие перечисленных процессов возникает уже и информационная зависимость, которая подкрепляется тем, что Россия не производит своих персональных компьютеров, не создает в нужном масштабе своей обрабатывающей компьютерной и телекоммуникационной базы. Это воспроизводит режим информационной зависимости. А если страна становится зависимой по инфраструктуре, в частности, информационной, тогда ее рост и развитие определяются уже не столько классическими факторами, сколько уже и этим новым видом зависимости. Научная проблема, сводимая к определению того, в какой степени каждый фактор вносит свой вклад в экономический рост, является центральной при исследовании экономического роста, поскольку режим структурной зависимости может вносить существенную лепту в возвышение одних стран за счет других на длительном интервале времени.

Неразвитость факторной основы экономического роста видоизменяет его качественную содержательную сторону. Рост становится формальным, в основе которого лежит динамика сырьевых секторов, финансов, услуг и мировых цен. Чтобы изменить качество роста необходимо планомерно воздействовать на содержание его факторов, выправляя структурные пропорции хозяйственной системы, что будет способствовать организации роста в будущем.

Главная задача государства видится в том, чтобы проводить экономическую политику, порождающую и стимулирующую такие виды деятельности, которые принесут высокую добавленную стоимость в будущем, обеспечив планомерное повышение заработной платы с высокой оценкой интеллектуального труда, сокращение дифференциации заработной платы, ослабление эксплуатационной нагрузки на труд

Важнейшим фактором экономического роста становится экономическая структура, точнее, то, на какой потенциальный рост она способна, какие структурные изменения приведут к будущему росту, а какие будут тормозить его. Это же относится и к системе правил, которая претерпевает изменения. Безусловно, правила и структура определяются развитием технологий и определяют возможности появления новых комбинаций, что и задает необходимый динамизм экономическому развитию. Тем самым соотношение между секторами, причем базовыми, в частности производством и финансовым сектором, услугами будет определять и возможности роста и его темп, как и режим роста. Если финансовая система обслуживает реальные секторы и услуги, то рост имеет материальную основу. Если наблюдается экономический рост в сырьевых секторах или фиктивных секторах, то этот рост, соответственно, можно считать сырьевым или фиктивным. Изменение режима развития, если такая задача ставится руководством страны, должно предполагать изменение режима роста, его факторной основы, качества.

Современная макроэкономика с большим трудом учитывает структурные особенности организации хозяйственной системы, в частности, соотношение финансового и реального секторов хозяйственной системы.

Финансовая система и финансовая политика современного экономического роста

Мировая финансовая система в период кризиса 2008–2010 гг. наглядно продемонстрировала, что ее развитие за многие годы сопровождалось

накоплением многих диспропорций, вызванных усиливающимся отрывом финансовой системы от развития производственных секторов и реальных потребностей, неадекватным определением приоритетов финансовой политики, подчиненной инструментальным целям⁴.

Таким образом, тезис П. Кругмана о том, что современная финансовая математика и макроэкономические модели не являются удовлетворительными при изучении и описании возникающих кризисов [13], предложения Д. Стиглица и других экспертов о коррекции мировой системы финансов, прозвучавшие официально в рамках доклада комиссии финансовых экспертов ООН в 2010 г. [4], возможно, создадут некоторый оптимизм на коротком отрезке для экономики и экономической науки, но в длительной перспективе создают лишь призрачную надежду. Проблема состоит не только в содержании финансовых и других институтов, отвечающих за функционирование различных систем, не только в различиях фундаментальных особенностей эволюции секторов и изменяемом режиме их взаимодействия, но и в методах регулирования, экономической (финансовой, денежно-кредитной) политики, подходы к которой должны быть изменены.

Во-первых, денежная и финансовая политика должна принимать во внимание источник инфляции, ее первооснову, чтобы, определяя полезный трансмиссионный механизм кредитования экономики, учитывать, что повышение процента не является полезным средством борьбы с инфляцией, поскольку, как правило, страдают секторы материального производства, другие секторы, зависимые от процента, но динамика цен сильно не изменяется.

Во-вторых, необходимо определение приоритетов денежно-кредитной и финансовой политики, сводимых не столько к стабилизации цен, сколько к развитию реальных секторов производства, особенно секторов производства продовольствия и энергии. Антикризисные меры должны быть направлены на восстановление ликвидности предприятий, сокращение убыточности, повышение платежеспособности и кредитоспособности, стимулирование внутреннего спроса.

⁴ Принципы эволюции финансовой и технической систем принципиально отличаются, что находит отражение в несогласованных правилах функционирования этих систем, когда финансы приобретают самодовлеющий характер, а инструменты финансовой политики направлены на достижение макроэкономических агрегированных параметров без принятия во внимание характера эволюции производственных секторов. Подробнее см. [9].

В-третьих, нужна лучшая координация финансовой и социально-экономической политики, поскольку не только стабилизация динамики цен, но и стабилизация секторальной динамики, учитывая реальный сектор и финансовую систему, должны стать главной целью поведения денежных и финансовых властей. Разбалансированное развитие двух базовых секторов (финансового и реального) усиливает риски кризисного функционирования в каждом из них.

В-четвертых, дисфункциональность финансовой системы является основополагающей причиной кризиса, когда функции не выполняются в нужном объеме и должном качестве, а ресурсы поглощаются с нарастающим увеличением, порождая эффекты долговой экономики. Финансовые рынки не могут контролировать себя сами, а потеря функций ведет к системной дестабилизации.

В-пятых, эффективность финансовой системы и финансовой политики должна оцениваться по тому, как инструментально удастся развивать реальные секторы экономики, используя финансовые ресурсы и распределяя их в экономике.

Цель финансовой политики должна состоять в обеспечении производства и агентов кредитом. Банки должны облегчать производственную деятельность. В связи с этим потребуются изменить видение новой макроэкономической теории, предлагающей инструменты регулирования экономики. Именно ошибки проектирования системы мировых финансов, возникновение так называемой дилеммы Триффина, недостаточность глобального спроса, идеологические клише в области экономической политики, у которой не было должной координации, обусловили кризисный результат как в экономической системе, так и в экономической науке, которая не только не смогла точно спрогнозировать кризис и его последствия, но и предложила способы преодоления возникшего финансового кризиса, распространившегося на мировую экономику, за счет поощрения долговой системы, т. е., заложив основу для его будущего возникновения.

В-шестых, денежно-кредитная политика должна задавать такое распределение кредита по экономике, чтобы наравне с задачами структурной модификации экономической системы исключать структурную инфляцию, обеспечить заданный темп экономического роста при данном темпе инфляции. Важно противодействовать текущей повышательной динамике цен и исключать, насколько возможно, источники будущей инфляции. Кроме того, денежно-кредитная политика призвана обес-

печить устойчивость валютного курса, чтобы не допустить возникновения валютного кризиса.

В-седьмых, применение мероприятий финансовой политики, денежно-кредитных механизмов регулирования экономики происходит в условиях, когда требуется одновременно и повышать уровень жизни населения – реальные доходы, выправляя их дифференциацию, и осуществлять структурную реорганизацию экономики, в связи с чем процентные ставки должны служить особым инструментом регулирования, поскольку посредством процента обеспечивается компромисс между потреблением и инвестированием. Кроме того, требуется учитывать необходимость погашения внешнего частного долга, который уже существенно превышает 50 % ВВП. Планомерное расширение денежного и кредитного предложения совместно со стимулированием совокупного спроса на потребительском рынке создаст необходимую динамику роста, достаточную, чтобы осуществлять обновление фондовой базы экономики и осуществлять структурные коррекции национального хозяйства.

Если финансовая система работает так, что сберегаемая часть дохода в экономике выводится из производительных в трансакционные секторы либо размещается в форме иных активов, в том числе за рубежом, то вне зависимости от того, какова норма сбережений, эти сбережения не работают должным образом на наращивание создаваемой добавленной стоимости и валового продукта. В связи с этим своеобразным критерием эффективности финансовой системы и денежно-кредитной политики должна стать не успешность противодействия инфляции, а обеспеченность экономических структур финансовыми ресурсами, деньгами, низкие издержки получения и обслуживания кредитов, использования сбережений населения и активов банков для развития экономики.

Финансовое обеспечение производства в соответствующих объемах и на всех последовательных технологических переделах обеспечивает непрерывность функционирования производственных секторов экономики – от сырья до готового продукта. Однако неравномерность инвестиционного потока в разные звенья технологической цепи, а также наличие диспропорций в рамках цепи воспроизводства приводят к тому, что темп развития каждого из переделов неадекватен темпу роста/сокращения других элементов, что усиливает разрыв в технологической цепи производства, увеличивает структурные диспропорции между секторами. Это может породить сокращение каких-то видов про-

изводств и деятельности, причем совершенно не по причине того, что появилась новая комбинация (инновация) в шumpетерианском смысле, а в силу конкурентного значения развития прочих секторов, в том числе аналогичных секторов за рубежом, поставляющих такой же продукт на мировой рынок или в данную страну. Отдельные ниши в названной технологической цепочке, которые отличаются относительно высокими затратами (низкой рентабельностью), никто не занимает. Если исходить из российских особенностей, то ярким примером является создание нового инновационного продукта – энергосистем альтернативной солнечной энергетики на базе кремниевых фотоэлектрических преобразователей. В настоящее время организован выпуск солнечных панелей (конечный продукт) на многих предприятиях, однако они простаивают из-за недостатка сырья, производство которого до сих пор не налажено.

Эволюция финансовой системы демонстрирует, что увеличение числа новых инструментов, схем функционирования, появление новых видов активов расширяют разнообразие финансовой системы, увеличивают ее отрыв от развития производственно-технических систем. Однако все эти инструменты показывают действенность на каком-то временном участке, в результате чего изменяются степень автономности финансовой системы и ее связь с производственными секторами. Финансы могут быстро перебрасываться из высокотехнологичных сфер в секторы получения высокой прибыли, что позволяет проводить стратегию снятия сливок. Данный режим в России возникает в силу того, что секторы, дающие высокую прибыль, как правило, дают относительно меньшие риски, а те, что дают меньшую прибыль, наоборот, характеризуются относительно высоким риском. Так возникает структура перелива ресурсов из одних секторов в другие, закрепляется сырьевая зависимость, причем именно сырьевые секторы и финансовый сектор вносят самый существенный вклад в рост национального дохода.

В мировой экономике, несмотря на то, что скорость оборота денег в финансовом секторе во много раз превышает скорость оборота денежных средств по производственным секторам, как и в России, соотношение рентабельностей этих секторов и риска все-таки имеет более сглаженный характер, что отражается на распределении ресурсов, факторах экономического роста. Это распределение между секторами является более гармоничным (равномерным), позволяет достигать необходимого уровня развития, сохраняя и совершенствуя

различные виды производственной деятельности. Современная финансовая система широко использует компьютеры, что резко увеличивает скорость финансовых потоков, позволяет менять направление инвестиций. Учитывая, что жизненный цикл сделки на финансовом рынке значительно короче аналогичного цикла для производственной сделки, то и скорость финансового потока, как и полный оборот денежных средств, осуществляется во много раз быстрее. При этом величина денежной массы, обслуживающей финансовый сектор может быть меньше, чем та часть денежной массы, которая идет на функционирование производственных секторов, но за счет скорости оборота общая величина денег, обращающихся в финансовом секторе, значительно превышает аналогичный показатель для реального сектора экономики. Более того, наличие обозначенного структурного перекоса между данными секторами является своеобразным мотивом для расширения финансовых трансакций и вовлечения большей части денег в финансовый оборот с переводом их в различные финансовые активы. Таким образом, проблема любой финансовой системы на современном этапе мирового развития состоит в сдерживании скорости ее функционирования, в необходимом подчинении задачам обслуживания производственных секторов.

Рост финансового сектора и услуг в мировой системе увеличивает общий уровень трансакционных издержек в экономике. Эффективность же этих секторов может возрасти, если трансакционные издержки на одну трансакцию имеют тенденцию к снижению. Тем самым рост доли трансакционных издержек в структуре затрат, вызванный расширением новых экономических секторов, не говорит о неэффективности данных структур, а отражает рост сложности мировой системы, ее разнообразия, а также структурные сдвиги, наблюдаемые в силу развития технологий и появления новых организационных форм и секторов [8].

Причина дестабилизации мировых финансов сводилась не только к тому, что финансовая система стала дисфункциональной, т. е. вместо исконной функции обслуживания производственных секторов приобрела и возвысила чисто спекулятивную функцию, но и в неустойчивой валютной системе, сформировавшемся режиме долговой экономики.

Нарком финансов Г. Я. Сокольников (1888–1939 гг.) также сталкивался с кризисом и к основным мерам финансовой политики, включая и денежную реформу, которые помогут преодолеть кризис, относил следующие ключевые позиции [7]:

- увеличение размеров товарооборота посредством развития торговли внутренней и внешней, государственной, кооперативной и частной;
- сокращение и затем уничтожение бюджетного дефицита, сбалансирование бюджета путем сокращения государственных расходов и увеличения поступлений государственных доходов денежных и натуральных;
- налоговая политика должна иметь задачей регулирование процессов накопления путем прямого обложения имущества, доходов и т. п. Однако не только фискальные задачи должна преследовать налоговая политика. В частности, она не должна приводить к понижению или невыплатам заработной платы. Центр тяжести налоговой системы необходимо перенести в область косвенного налогообложения;
- все мероприятия финансовой политики, направленные на упорядочение бюджета, увеличение доходов, корректирование денежного обращения, организации кредита сами по себе являются паллиативами, поскольку они не в состоянии преодолеть экономического кризиса, составляющего основу кризиса финансов. Выход лежит в плоскости поднятия производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности, в увеличении емкости рынка за счет крупного производства и увеличения товарного предложения.

Как видим, Г. Я. Сокольников отлично представлял истоки кризиса, лежащие в дисбалансах между сферой финансов и сферой реального производства и обращения, как и то, что стереотипные схемы экономической науки не дают однозначной рецептуры в периоды кризисов по их преодолению в силу институциональной отсталости национального хозяйства. Для этих целей и решения таких задач спасительной является логика, проистекающая из первоосновы экономического мышления и сознания, затрагивающая экономику как организацию домашнего хозяйства. Здоровые финансы, как и макроэкономическая политика, а также политика валютного курса будут только тогда, когда опорой для них и названных видов политики будут высоко развитые производительные силы, используемые для создания продукта конечного и/или промышленного потребления.

Основополагающая причина современного финансового кризиса, нанесшего удар по экономическому росту, заключена в вале финансовых инноваций, все более отрывающих финансовый сектор от процессов производства, а также коренится в

капиталистических институтах, провоцирующих концентрацию капитала, активизирующих этот процесс, причем выводя его из логики подчинения накоплению реальных активов.

В современном мире стало актуальным концентрировать фиктивный капитал, который, не находя себе необходимого применения и будучи быстро перемещаем из одной экономики в другую, может обрушить повышательную экономическую динамику. Инструментализация финансового сектора повышала его спекулятивный характер и усложняла управление, выводила этот сектор из-под контроля в силу возрастающей диверсификации. Владельцы фиктивного капитала активно включались в игру по его концентрации и перераспределению. Подобная система только увеличивала вероятность финансово-экономического краха, причем ни монетаризм, ни кейнсианские процедуры регулирования не являются теми спасительными рычагами [5], которые могут предостеречь от кризиса. Только основополагающие институциональные коррекции финансовой системы, привязка правил ее функционирования к задачам развития реальных секторов производства, техники, технологий, управляемое разнообразие инструментов и свертывание режима расширения потребностей за счет будущих поколений, т. е. в долг, возможно, сократят вероятность и первооснову для развертывания современного капиталистического кризиса.

Вековая тенденция экономического роста, проявляющаяся на примере наиболее развитых стран мира, тем не менее, на различных локальных интервалах имеет отклонение в виде экономических кризисов, которые обычно характеризуются абсолютным сокращением производства и занятости, ростом цен, утратой части активов, сокращением конкурентных позиций стран на мировом рынке, изменением полюсов экономической силы и генерации экономического роста. Кризисы могут не сопровождаться сильным сокращением национального дохода, а выражаться всего лишь в замедлении темпа роста, возникновении общей экономической рецессии либо стагнационного развития наиболее передовых секторов хозяйства. Общеконъюнктурный кризис обычно связан с изменением пропорций между совокупным спросом и предложением. Меры по его предотвращению и преодолению являются мерами антициклического характера, т. е. противодействуют циклическому спаду. Однако современный кризис имеет свою основу в управлении, институциональных изменениях, которые оказывают сильное влияние не только в долгосрочном

периоде, но и на коротких интервалах. Этот транзитивный кризис может совпадать или не совпадать с циклическим кризисом. При совпадении кризис усиливается, при несовпадении могут быть различные варианты хода кризисных явлений в экономике. Однако именно такой тип кризиса способен надолго зафиксировать траекторию развития экономической системы, в связи с чем мобилизационная стратегия развития или стратегия догоняющего развития могут не привести к ожидаемому результату.

Проблема состоит еще и в том, что с позиций экономической теории неплохо проработаны вопросы экономического роста различного типа – экстенсивного, интенсивного, с разными формами научно-технического прогресса (воплощенного – за счет создания нового капитала, трудосберегающего и капиталосберегающего) как фактора экономического роста, но проблемы кризиса, тем более транзитивного, имеют куда более зыбкие теоретические объяснения. В основном преодоление кризиса трактуется через призму теоретических положений той экономической политики, которая нужна для организации роста, с приведением макроэкономических балансов в должный порядок. При этом парадигмально ничего не изменяется в освещении вопросов в системе «рост – кризис», в то время как современный экономический рост и кризис возникают в силу иных структурных соотношений в экономической системе, которые сами по себе выступают фактором провоцирования кризиса, включая и институты, отвечающие за функционирование финансовой системы.

Стареющее население в развитых странах, сокращение численности населения действуют в направлении сдерживания совокупного спроса, в то время как научно-технические достижения и повышение производительности машин фактически снимают проблему тиражирования создаваемых новых продуктов. Таким образом, возникает явный дисбаланс между совокупным спросом и предложением. Если возникает рецессия в экономике и в этот момент сокращаются налоги на корпорации, сокращаются расходы по бюджету, социальные программы, то происходит еще больший удар по спросу и возможностям удовлетворять свои потребности большинству населения. Одновременно позиции наиболее обеспеченного класса усиливаются, поскольку данные меры направлены на обеспечение преимуществ их деятельности. Высокий процент также действует в направлении сдерживания кредита в производственные системы, символизирует высокие издержки владения и рас-

поражения деньгами. Это затрудняет возможности роста, причем сдерживающие меры при подъеме начинают применяться при спаде, а то, что нужно применять при рецессии – применяется при росте. Происходит своеобразный обмен на уровне правительственных мероприятий. Казалось бы, если транзитивные процессы и управление сильно меняют облик конъюнктурного спада, то, возможно, эта замена была бы обоснованной. Но в настоящий момент такое утверждение вряд ли будет справедливым. Процессы трансформации – структурной, институциональной – часто и не позволяют точно сказать о перспективах экономической динамики – величине, скорости и времени подъема, глубине и продолжительности спада, а также о том, в какой степени правительственные действия ускорят или замедлят названные процессы. В любом случае понятно одно – экономический рост предполагает сочетание факторов, которые его и обеспечивают, а его устойчивость обусловлена как раз небольшой величиной отклонения от общей ростовой тенденции. При этом результат наращенного продукта должен распределяться в соответствии со взносом каждой из подсистем, каждой из групп агентов в увеличение данного продукта при минимальном переложении издержек на третью сторону, в частности на экологические системы.

Изменение парадигмы роста, проектирование новых институтов развития должны предполагать смену не только стратегии развития, но и правил ведения хозяйства, учета продукта и национального богатства, результатов распределения национального дохода. Идея экономического роста, базирующаяся на критерии капитализации прибыли, по мнению автора, должна быть заменена идеей капитализации интеллекта, творческих способностей и социальных возможностей агента, который является обладателем этих способностей и интеллекта. В противном случае заявленная модель социального государства противоречит основному императиву капиталистического устройства общества. Иными словами, преобладание частной собственности над другими видами собственности и личного дохода над иными видами дохода, создаваемого в экономике, должно нивелироваться. Право владеть не может быть выше права не владеть, а реализация многих социальных функций не должна привязываться исключительно к функции личного дохода, как в современной общественной системе. Функционально обоснованная и планируемая социальная система предполагает и выполнение главной функции финансов и финансовой системы –

обслуживание расчетов, платежей, исполнение различных хозяйственных функций за счет обеспечения этого процесса деньгами. Нынешняя ресурсная или факторная парадигма экономического роста требует замены/пересмотра в направлении совместного, согласованного проектирования жизненного стандарта потребления и жизни, который мог возникнуть не благодаря рыночному расточительству, а при реализации целей экономии и сохранения природного богатства и разнообразия.

Стратегии догоняющего и опережающего роста/развития могут и должны быть заменены стратегией согласованного развития мировой экономической системы, основными целями которой должны выступать сокращение диспропорций, неравенства, выравнивание скоростей развития, формирование совместных задач, изменение базовых институтов современного капитализма в сторону снижения доминирующей роли частной собственности на средства производства, концентрации капитала, социализации общественных отношений, интенсификации научно-технического прогресса и расширения условий для творческого развития человеческой личности, обеспечения широты образования.

Необходимы смена доктрины доминирующего соревнования стран, базирующейся на парадигме роста⁵ и философии гегемонизма⁶, переход к согласованному многовекторному развитию на основе выравнивающих социальных императивов, учета самобытности культур народов, управления скоростями глобальных изменений. Это порождает необходимость подчинения основных институтов и сфер современного общества критериям производства, хозяйственных отношений, права, семьи и деторождения, обучения и здравоохранения, системы социальной защиты и др., формирования новой системы мирового экономического порядка⁷.

Изменение воспроизводственной основы современного экономического роста стоит на повестке дня острее, чем может показаться на первый взгляд, причем с вытекающим изменением в виде подчинения этой задаче и финансовой системы. В любом случае искомые решения этой непростой задачи потребуют не поверхностных корректив, модели условного контроля, которая, по сути, предлагается специалистами ООН из комиссии финансовых

⁵ Соревнование стран по темпам роста и величине ВВП.

⁶ Реализация доктрины доллара и штыка Тафта – Нокса.

⁷ Известен доклад экспертов ООН под руководством Я. Тинбергена «Пересмотр международного порядка», появившийся в начале 1970-х гг., большинство положений и предложений которого не реализовано на практике политическим истеблишментом до сих пор.

экспертов во главе с Д. Стиглицем, а углубления средств планирования и фронтального контроля над «электронным капитализмом», который с высокой скоростью перебрасывает финансовые ресурсы из одной точки мира в другую, концентрируя капитал в нужных его представителям направлениях, обедняя другие страны и регионы мира. Если человеческое общество и политический истеблишмент действительно на деле ищет модель третьего пути развития, то иного варианта, как пересмотр первоосновы

капитализма под воздействием информационного фактора и науки в убедительном сценарии не просматривается. Началом такого перехода может стать не только усиление методов планирования, правил калькуляции затрат и формирования стоимости различных факторов производства, но и изменение правил и значения самого экономического роста для развития человеческого общества, особенно с точки зрения соревновательной компоненты между странами и народами.

Список литературы

1. Альбер М. Капитализм против капитализма / пер. с фр. СПб: Экономическая школа, 1998.
2. Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / пер. с англ. М.: Прогресс – Универс, 1994.
3. Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество / пер. с англ. М.: АСТ, 2004.
4. О реформе международной валютно-финансовой системы. Уроки глобального кризиса: доклад комиссии финансовых экспертов ООН. М: Международные отношения, 2010.
5. Самуэльсон П. Оживления не будет до 2012 г. // Мир перемен. 2009. № 1.
6. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2004.
7. Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М: Наука, 2003.
8. Сухарев О. С. Институциональная экономика: теория и политика. М. Наука, 2008.
9. Сухарев О. С. Структурный анализ межсекторных взаимодействий в экономике: совершенствование финансово-инвестиционных институтов // Сборник трудов VIII международного симпозиума по эволюционной экономике «Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция и экономический рост». М.: ИЭ РАН, 2010.
10. Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. М.: РОССПЭН, 1997.
11. Datta S. K, Nugent J. B. Adversary Activities and Per Capita Income Growth // World Development, 1986, vol. 14, № 12.
12. Expanding the Measure of Wealth. Washington: World Bank, 1997.
13. Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times, September 2, 2009.
14. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality. In: «American Economic Review», 1955, XLV.
15. Tinbergen J. Income and Distribution. Amsterdam, 1975.
16. Tinbergen J., Mennes L. B. M., Waardenburg J. G. The Element of Space in Development Planning, Amsterdam, 1969.